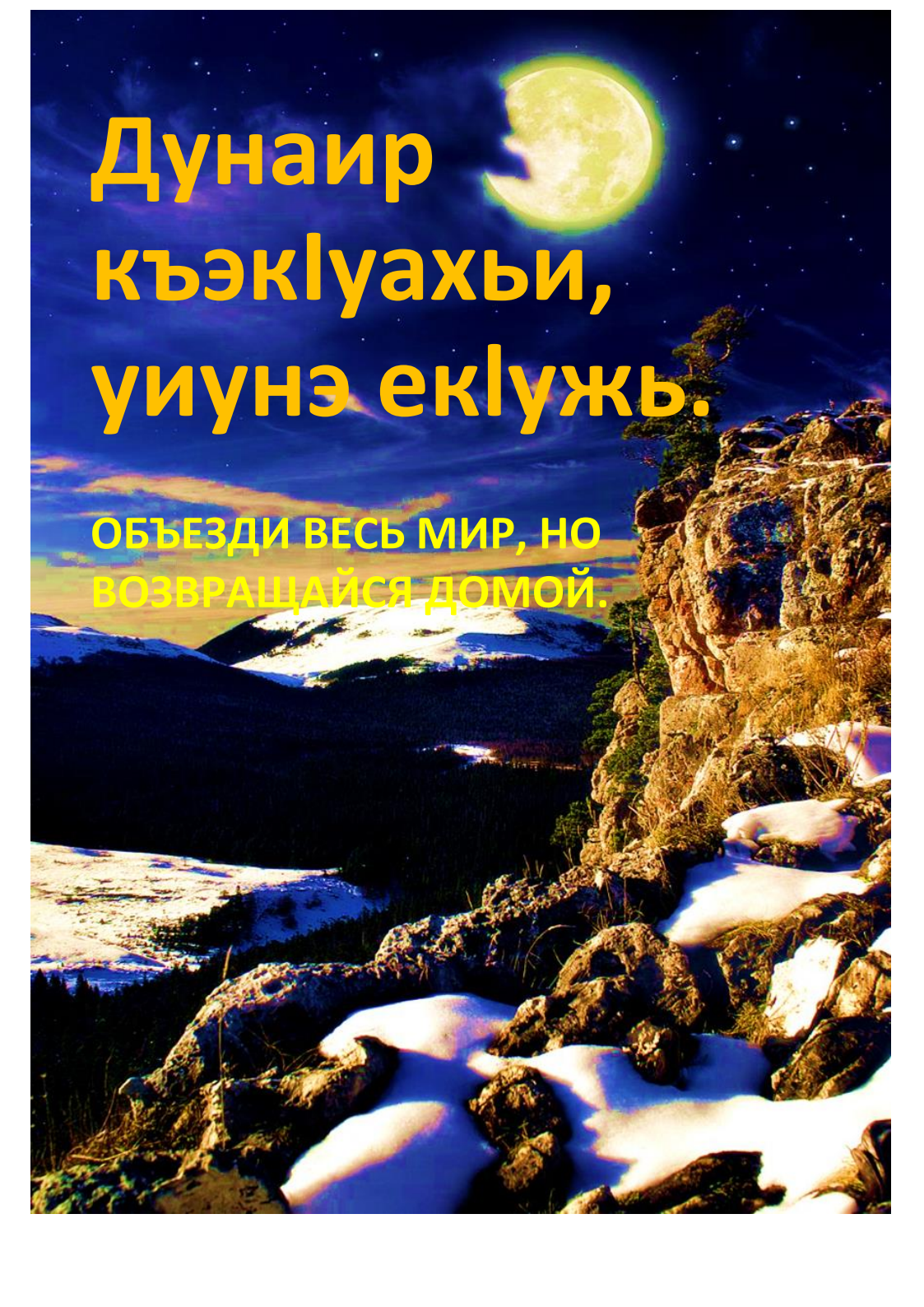

The background of the image is a composite of two scenes. The upper portion shows a bright, full moon in a dark blue night sky filled with stars. The lower portion shows a rugged, rocky mountain ridge in the foreground, partially covered with patches of snow. In the distance, a valley with snow-covered hills and a small body of water is visible under a twilight sky with soft orange and yellow hues.

Дунаир
къэклуахьы,
уиунэ еклужь.

ОБЪЕЗДИ ВЕСЬ МИР, НО
ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ.

г. Майкоп, 2026 год

точка концентрации
талантов

Дорогие наши юные участники ведомственного проекта «Гений места», мы, педагоги, хотим от всего сердца поблагодарить вас за ваш энтузиазм, творчество и замечательные идеи! Вы настоящие изобретатели и фантазеры! Каждая ваша работа и задумка уникальны и интересны. Все они были услышаны и поддержаны нами. Спасибо, что поделились с нами своим видением старого сюжета в новом ракурсе придуманных вами событий! Мы уверены, что вы вырастаете талантливыми учеными, писателями, инженерами и дизайнерами, горячо любящими свою малую родину.

***Дунаир кьэкӀахьы, уиунэ екӀужь.
Объезди весь мир, но возвращайся домой.***

Вдохновлённые светом детских грёз, мы, взрослые, соткали полотно новых легенд о нартах, где юная фантазия стала нитью, связавшей прошлое с будущим, а мудрость поколений нашла новое звучание в звонких голосах детства.

Автор легенд ***Кисель Екатерина Иосифовна***
Руководитель проекта ***Епатко Анна Валерьевна***
Кураторы проекта ***Плахова Марина Семёновна и
Фахритдинова Татьяна Александровна***
Компьютерная вёрстка ***Долгих Ольга Александровна***
Корректор ***Трипкош Юлия Васильевна***
Дизайн обложки ***Сорокин Алексей Станиславович***
Фронтиспис ***студия автопортрета «Сурэт», г. Майкоп***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гений места, в самом простом понимании, — это человек, который оберегает неповторимую атмосферу территории. Очевидно, что за этим выражением скрывается множество смыслов, лежащих в основе философских концепций и креативных направлений. Понятие «гений места» обрело современное звучание в рамках федерального проекта «Придумано в России» Министерства культуры Российской Федерации, стартовавшего осенью 2021 г. и с тех пор приносящего концептуальные идеи в регионы через библиотеки. В 70 регионах Российской Федерации были созданы Точки концентрации талантов «Гений места», которые функционируют на базе 189 модельных библиотек.

Такой точкой концентрации талантов «Гений места», реализующей ведомственный проект для ребят Муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад общеразвивающего вида № 22», стала Городская детская модельная библиотека МБУК «ЦБС» г. Майкопа.

Смысл ведомственного проекта «Гений места» заключается в переименовании старых легенд на новый лад не случайно. Это развивает творческое мышление и воображение: ребёнок учится видеть знакомый сюжет под другим углом, добавлять новые детали и строить собственные версии. Такой приём помогает глубже понять саму легенду, её структуру, смысловые акценты, связь с природой и историей республики. Переосмысливая традиционные сюжеты, дети устанавливают связь между прошлым и настоящим, учатся сохранять уважение к культурному наследию, одновременно адаптируя его к современным реалиям. У детей формируется навык диалога времён: от сознания мифопоэтической картины мира предков до поиска новых художественных форм выражения.

В рамках реализации проекта дошкольники, педагоги и родители знакомятся с работами знаменитых на весь мир жителей родной республики, совершают экскурсии по именитым улицам города, с удовольствием посещают

изумительные природные памятники, многие из которых являются объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО. А затем, объединившись в группы единомышленников, сочиняют свои легенды, таким образом получая своеобразный творческий продукт, который помогает жителям Республики Адыгея и её гостям больше узнать о природных достопримечательностях республики и работают на её продвижение как витрины инновационного потенциала региона.

Топонимические легенды о природных памятниках Республики Адыгея.

Топонимические легенды – жанр устной народной прозы, который объясняет происхождение названий населённых пунктов или других географических объектов.

В легендах могут отражаться особенности местного географического пространства и языка, менталитет населения, проживающего в регионе.

Часто топонимические легенды прикреплены к определённым событиям или лицам, а значит, и к историческим периодам. Таким образом сохраняются и передаются народные знания.

При этом топонимические легенды не всегда имеют подлинное отношение к происхождению названий. Их нельзя рассматривать как точную информацию.

Переосмысление легенд способствует выработке ценностного отношения к фольклору как к символическому «архиву памяти» народа. Через творческую переработку происходит не механическое воспроизведение устного наследия, а его живое продолжение и интеграция в современное культурное пространство.

«Сердце Руфабго».

Давным-давно это было, в ту пору, когда в долине только начали распускать свои первые плодородные почки саженцы черкесских садов. Молодые деревца зацвели и заблагоухали, запах разнёсся далеко за пределы долины. Аромат цветущих молодых садов почувствовал властный, самолюбивый бог неба **Уашхъуэ**. Он увидел силу и красоту черкесских садов.

– Не бывать этому! – с яростью возразил он и послал на землю ветер-сухой для того, чтобы осушить плодородные земли и погубить саженцы.

– Все должны видеть только красоту неба, холодные мерцающие звёзды и бегущие грозовые облака! – неистово продолжал Уашхъуэ.

По его воле тут же поднялся сильный ветер, он обрывал листву и соцветия, с корнем вырывал молодые деревца, осушал почву, превращая её в камень.

Долгое время бесчинствовал сухой. Много вреда принёс он людям. И неизвестно, на что была бы похожа долина, если бы не нашёлся великодушный, трудолюбивый, обладающий стойкостью и храбростью, юный джигит **Руфабго** с огромным добрым сердцем.

Расседлав своего скакуна в центре долины, Руфабго приступил к земному поклону. Юный джигит с усердием благодарил Всевышнего и просил **Псегуаш** (*деву вод речных*) послать на землю дождь. Затем сняв с пояса кинжал, начал рыть им протоку к реке Белой для того, чтобы спасти оставшиеся цветущие деревья.

С негодованием и злостью за работой Руфабго наблюдал Уашхъуэ, то и дело забрасывая юношу сухой землёй и сучьями сломанных деревьев. Но стойкость и милосердие Руфабго богу неба – Уашхъуэ сломить не удалось. Только тогда, когда протока была готова и Псегуаш наполнила её чистой прохладной дождевой водой, Уашхъуэ сказал: «Да, у тебя большое, доброе сердце, но отныне оно будет каменным!»

В одну секунду бог неба превратил трудолюбивого Руфабго в огромное каменное сердце, которое осталось неподвижно лежать у истоков вырытой им протоки.

В народе говорят, что лихо помнится, а добро век не забудется. В память о добром и трудолюбивом юном джигите Руфабго весной в косы его горных водопадов вплетают свои цветы старые черкесские сады.

Величественные горы и леса, бурные реки и водопады ущелья Руфабго, старые черкесские сады не перестают радовать и манить нас в живописнейшие уголки среднегорной природы родной Адыгеи.

«Сердце Руфабго», рисунок выполнили воспитанники подготовительной группы «Островок»: Вискушенко Вероника, Карданова Самия, Удычак Джанетта, Айдинова Атурина, Нажев Дамир.

Куратор: Почетный работник общего образования Российской Федерации, Заслуженный работник народного образования Республики Адыгея, педагог-наставник, воспитатель
МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 22»
Кисель Екатерина Иосифовна.

Лаго-Наки.

Кому другому Расскажи – всерьёз не каждый примет... В одном селении, где проживали бесстрашные, преданные своей семье и роду лихие джигиты, умевшие отстаивать свои территории от набегов Чингисхана и турок, выдерживать сложные погодные и жилищные условия горной местности, у прекрасной девушки Лаго родился сын. Мальчик был единственным продолжателем рода в семье, которая чтит и хранила устоявшиеся традиции.

Мать прикладывала сына к груди, гладила его огненно-рыжие, как вечерняя заря волосы, целовала в ангельские глаза, синее которых была лишь вода в реках. С тревогой скрывала она сына от чужих глаз, а ребёнка как будто привораживал взоры врагов и завистников.

Боялся за единственного внука и дед, втянутый своими предками в кровную вражду. Чтобы сохранить жизнь внуку и продолжить свой род, он решил тайне от дочери передать внука аталыку, недавно потерявшему своего младенца. Издревле по обычаям горцев, мальчиков отдавали на воспитание в чужую семью, считая, что так он получит воспитание лучше, чем в семье родителей, которые будут его жалеть и опекать.

Однажды ранним утром резкими толчками стала содрогаться твердь земли и затрещала морщинистой кожей, вышли реки из берегов, смолкли птичьи трели, когда Лаго увидела пустую **кушьэ** (*колыбельная кровать*) сына.

Сбежался народ, услышав материнский отчаянный крик. Пришёл и отец Лаго, поправив папаху, лежавшую на колыбели внука, сказал: «Уже к восходу солнца исчез на небе последний клоч пыльных туч, оставленных копытами стремительных скакунов аталыка, унёсших моего внука в сумрачной дали, чтобы яркою звездой мог он взойти на другом краю земли. Не плачь и запомни: мать даёт человеку жизнь, а долгие годы – опыт!».

Воцарилась тишина. Как огромный узник, тоска, сбиваясь в могучий монолит, шипела и стонала, рассыпая

гулкий звон льдинок, вековым ледником сковывая слёзы матери. Одно только знала Лаго: «Кто не уважает старшего, тому неведомо уважение». Лаго, как свеча, мерцавшая в углу, таяла на глазах, но не преклонила решение отца.

А на другом краю заря окрасилась в кумач. Судьбе покорный день сходил на нет, когда Наки взяла малыша на руки и нежно запела ему колыбельную. Пела о том, как благоухающие диковинные цветы устилают воздух лепестками, о том, что почему-то чаще её тянет в лес, где можно пройтись загадочной тропой, о том, как важен вход в замысловатую пещеру... Пела и понять не могла, почему именно эти слова звонко изливались из уст её. Так в любви, согласии и заботах проходили день за днём, год за годом. Да вот только и в ритме привычной, казалось бы, жизни наступает сбой.

Сначала гирлянды молний, высекая узоры заполнили собой небеса от края и до края, следом гром промчался эхом и разразился внезапным каскадом, будто камнепад в ущелье выбирает себе проход.

Оказалось, это каменный **иныжъ** (*великан*), сын **Канжа** и **Нэрыбгей**, пришёл силой меряться с юным джигитом, рождённым Лаго, вскормленным Наки, обученным и воспитанным аталыком. Весть о могучем, ловком и мудром джигите разнеслась по всему миру. Узнала о предстоящем поединке и Лаго. На сей раз, не послушав отца, она опрометью вскочила на скакуна и к закату солнца была уже рядом с сыном. Вслед за дочерью примчался дед молодого джигита, взглянув на внука, произнёс: «Спасибо тебе, атылык, спасибо тебе, Наки. Теперь я вижу, что мой внук готов ко взрослой жизни, но ему ещё придётся накапливать опыт, оттачивать смекалку, проявлять дерзость, боевую хватку, терпимость и верность».

Настало время поединка... Обнажая страхи дня, век молчавшие деревья, кричали. Треск веток был сравним разве что с пальбой – наружу вырывался ад в образе иныжа. Он посылал шквалы огненных порывов, обрушивал рыжие кипящие валы, словно подолом платья, покрывал землю

удушливым дымом, а воздух обжигал кипятком. Такому, мог противостоять только самый сильный, ловкий и мудрый воин.

Впервые две матери, не знавшие друг друга, крепко держались за руки. Когда их сын, оседлав скакуна, готовился к поединку, они сказали ему: «Нет у тебя ничего другого, кроме того, что приобретёшь своим мечом. Кто в поединке вял, тот и голову потерял».

От ужасного поединка дрогнула земля. Молодой джигит, пришпорив скакуна, нанёс первый удар по каменной голове иныжа. Отсечённая голова навечно осталась лежать затвором у входа в огромную пещеру. Иныж стремительно продолжал надвигаться на молодого наездника. Тогда солнечный луч, вырвавшийся из тени, указал место второго удара по обезглавленному иныжу. После второго удара всё окутала пелена, и из груди иныжа высыпались сотни причудливых испов (*карликов*). Они, оглушая гулом и треском, сметали всё на своём пути, падали, образуя карстовые воронки, похожие на порталы в подземный мир, застывали, не найдя себе приюта, и превращались в каменное море. После третьего удара молодого джигита иныж упал навзничь и весь расплозся по швам.

Долго ещё был воздух удушливым и горячим. После поединка земля была похожа на (*«лэджэн»* или *«лэгьэн»* (*чаша* или *таз*), *«нэ́кты»* (*порожний* или *пустой*)) на пустую чашу. Тучи пепла покрыли землю. Чтобы поросль окрепла, необходимы долгие годы.

И эти долгие счастливые годы были у Лаго и Наки, у их сына, который с гордостью говорил, что у него две матери.

Место, где жили они дружно и счастливо, стало очень живописным местом на Кавказе: залитые солнцем зелёные равнины и живописные долины рек окружены горами, а в озёрах – кристально чистая вода. Удивительной красоты альпийские луга, укрывающие склоны и поляны с уникальной флорой и фауной.

Отдельно впечатляет контраст двух склонов, словно характеры двух любящих матерей: кажется, что ты на

равновеликой высоте, но тут – густой лес, может в нём и гуляет по макушкам веток Наки, распевая свои причудливые песни, а там – исполосованные балками альпийские луга, напоминающее израненное сердце Лаго, усыпанное бесконечными снежниками и камнями, окутанными изумрудными травами и бесчисленными искорками цветов.

А высоко-высоко скрывается дорога в дали облаков, там «звёздный остров» повис над «чашевидной долиной»; оттуда на плато их сын проливает свой мягкий свет из темноты, открывая разум отважных путешественников.

В пещерах и ущельях, не знающих солнечных лучей, есть входы, а если они есть, то в их пристанищах долго будет бродить разбуженное эхо многочисленных туристов.

Сегодня плато Лаго-Наки – уникальное волшебное место Западного Кавказа с первозданной природой, которая очаровывает с первого взгляда. С 1999 года – объект Всемирного наследия ЮНЕСКО.

«Сын Лаго и Наки перед поединком» (пластилинография).

*Работу выполняли: Карданова Самия,
Дагамук Амиран, Удычак Джанетта.*

Чугуш, Фишт, Оштен, Пшеха-Су.

В далёком маленьком селении среди самых разных трав, где отроду не встретишь пахотных равнин, где воздуха глоток погуще раннего тумана, жили молодые муж и жена. Чуа разводил овец, поил их родниковой водой, пас на горных пастбищах среди отвесных гор. Пшеха шила из овчины и каракуля папахи для молодых юношей, закладывала красивый узор, подбирала длину завитка, сочетая его с блеском шерсти.

С приходом темноты нежное пение Пшехи эхом разносилось на всю округу, бодрые цикады подхватывали его и пели уже на свой лад, а жужжавшие весь день осы и пчёлы, занятые дневной работой засыпали. Долго не засыпала одна Пшеха. Она прислушивалась к хрусту льда, доносившегося из далёкого ущелья. Наконец заснув, Пшеха видела один и тот же сон...

Вот сидит она на краю пропасти, держит на руках двух младенцев, боясь уронить их, одевает на них только, что сшитые белые папахи, для того чтобы согреть малышей. А вокруг бушует грозный океан Тетис, то и дело посылая зловещие волны выхватить младенцев из рук Пшехи. Наступало утро, женщина просыпалась с зажатыми в руках папахами. Так проходили год за годом.

Но однажды как-то особенно ожили травы и цветы, даже неба синь помолодела, когда на пороге их дома появился старец и попросился на ночлег. Три дня и три ночи жил старец в доме Чуа и Пшехи, уходя положил в ладонь женщины три камушка: кристаллический сланец, гранит и рифовый известняк.

– Что делать мне с ними? – с благодарностью спросила она у старца.

– Они уже твои. Ускорить время невозможно, всему – свой час и свой черёд! – сказал и исчез.

Всё так и вышло! Вскоре у Пшехи и Чуа родились два малыша: Фишт и Оштен. Сыновья росли, и всякий раз, притягивали взоры своим великолепием. Помогали отцу,

любили и берегли мать, уважали старших. С гордостью говорили односельчане об их семье: «Молодость плечами покрепче, а старость головою».

И всё бы хорошо, да только уже не во сне, а наяву пришлось Пшехе оберегать своих сыновей и мужа от злых молний, проникающих в глубину океана. Оттуда, молнии, словно вставали на дыбы огромной воронкой и рвались к небу из воды. А затем бросались на землю бешеной волной с черной пеной и камнями, смывая всё живое на своём пути.

Люди сохранили это в памяти, сохранили и то, что, повесив на грудь оберег, одев белые папахи каждому из своих мужчин, Пшеха взяла их крепко своими натруженными руками и повела навстречу разбушевавшемуся океану. Смело и гордо, защищая свой дом и очаг, стояли они лицом к стремительной мёрзлой воде, опираясь и поддерживая друг друга. Чем сильнее была волна и поднималась в воздух, тем крепче и мужественней становились сыновья, а волны отступая зловеще шипели «пше-пше-ха» и вновь яростно накатывались, истошно посвистывая «су-су-су».

Жизнь с тех пор изменилась... в западной части Большого Кавказа на страже величественно и гордо стоит в белой снежной папаше, поблескивая кристаллическими сланцами могучий Чугуш (*«вершина земли»* или *«горные пастбища Чуа»*). На западе Кавказского хребта возвышается пронизанный сотнями ходов и пещер прекрасно сложенный из рифовых известняков Фишт (*«белая голова»*). Рядом с Фиштом, держась гранитной рукой с мамой Пшеха-Су, поблёскивая глетчерами, в солнечных лучах нежится Оштен (*«вечный снег»* или *«вечная зима»*).

Два брата образуют горный (*Фишт-Оштеновский*) массив, с широкой, разорванной на несколько частей, вершиной и отделяются друг от друга глубоким ущельем. Но как и прежде, крепко-накрепко держатся они за руки, став мощной преградой для врага. В их вечных папашах и снежных бурках находят приют блудные облака, водопады в гранитные

теснины сыплют бисерные брызги, сплетая их в серебристые кружева.

«Чугуш, Фишт, Оштен, Пиеха-Су»

*Аппликацию из цветного риса выполнили воспитанники
подготовительной группы «Островок»:
Накахиди Пелагея, Кузьмина Юлия, Вискушенко Вероника,
Удычак Джанетта*

Легенда о золотой короне повелителя.

От того, что забыто, стеной не отгородиться...только песчинки времени, сбегая струйками, ведя свой отсчёт, напоминают нам о Первом «Великом переселении народов». Было это так давно, что сказать когда, даже примерно нельзя, только именно тогда скифское могущество достигло своего апогея. Ими было создано рабовладельческое полукочевое государство. Во главе которого стоял жестокий, тщеславный, жадный повелитель Атей.

Скифы верили в загробную жизнь и поклонялись духу войны Аресу. Захвату новых территорий и жажде наживы Атей посвятил всю свою жизнь. Своего сына Шахана, Атей обучил навыкам верховой езды, мастерству стрельбы из лука, вертуозному владению акинаком (*акинак – короткий скифский меч*), надеялся, что в скором времени с помощью сына ему удастся приклонить к своему колену ещё множество богатейших территорий.

И однажды это время настало. Не чувствуя усталости, огромное войско караванами, что движутся и днями и ночами, снося преграды, поблёскивая акинаками, зажатými в могучих кулаках, крушили всё на своем пути. От нашествия тряслись шипящие валы, жонглируя камнями. В миг день превратился в вечер, и с гор сорвались облака, словно расстрелянные градом ринулись в долину. Поговаривают, что в этих событиях принимали участие далеко не все скифские силы, но все-таки Северный Кавказ был ими покорён.

Повелитель возгордился очередной победой своих воинов и велел не нарушая постоянство обрядов разложить шаманский костёр.

Когда старый сгорбленный от тяжести кочевой жизни шаман ударил в бубен, заплясали миллиарды искринок, смрад и едкий запах серы поразили Атея. Проводя магический ритуал шаман словно взлетел над костром, ловя искорки, складывая весь смысл жизни Атея в огромный пазл. Костёр погас, ввысь поднялась тонкая, как натянутая тетива, струйка дыма, прорицатель рухнул наземь.

– Разум бессилен перед криком сердца! – закричал взволнованный Атей.

– Ты увидел мою смерть, говори же, не медли?! – неистово и пронзительно кричал повелитель.

– Бояться нужно не смерти, а пустой жизни, которую ты прожил! – ответил прорицатель, помолчав немного, добавил – смерть твоя близка, она не на острие акинака и принесёт её не стрела твоего врага, не обидчика... Не успев договорить прорицатель испустил дух.

Задумался Атей, мысли рвались наружу и вызывали жуткий страх. «Неужели лежит проклятие окрест» – наконец, решился и призвал к себе Шахана. Сын явился незамедлительно.

– Шахан, пришло твоё время стать повелителем и управлять лавиной войск, созданных мною. Будь готов, сегодня к заходу солнца всё войско признает тебя новым правителем, и для того, сын мой, чтобы ты жил хорошо, я передам тебе золотую корону.

– Отец, плохо живут те, которые всю жизнь лишь собираются жить, мне для счастья нужна только моя фиала (*фиала – плоская жертвенная чаша без ручек, священный предмет, который скифы носили на поясе*). После его слов в небе гром, нашедший дыры, напрочь оглушил тишину. На виду могущественного войска с неба под ноги Шахана упали плуг, ярмо, секира. (*Плуг, ярмо, секира и чаша – святые мифологические предметы скифов, упавшие с небес*).

– Отец, вот моё предназначение: из акинаков мы сделаем плуги, вспашем землю, засеем злаками; в ярмо впряжём быков; секира от ныне будет строить жильё нам, а чашу мы наполним добром и милосердием, счастьем и миром.

Не смог принять решение сына тщеславный Атей, увидел как гаснут кочевые скифские костры, сумрачно взглянул на Шахана, буреломом рухнул на землю. Почувяв смерть, тут же налетело вороньё.

Все войско, как один, несли стрелы, соорудив из них гору. Затем на предбанник ада возложили бездыханное тело

Атея. Вспыхнул огонь, окутав осевшей пылью растущие кусты. Черпая землю фиалами, войско соорудило огромный холм над прахом повелителя, словно хороня вместе с ним свою прежнюю жизнь. Последним поднялся Шахан. Уложил корону отца, засыпал её чернозёмом, ещё долго стоял, всматриваясь в лица своих подданных, готовых к новой жизни и новым испытаниям.

Это сейчас на местах скифских курганов стоят монументальные камни. А на многих просто растут сосны, клёны, ели, сцепившись лапами ветвей, из хвои и листвы сумели сделать щит от пронырливых людей, и лишь сверху, словно сквозь кольчугу, где даже ветра слышен скромный писк, кружит вороньё по кругу, как будто напоминая нам о том времени, что в древние канул анналы...

А до нас дошло лишь название горы Шахан, что расположена в долине реки Белой, неподалеку от поселка Тульский. Предание донесло до нас сведения о том, что много лет назад здесь был огромный курган, при его раскопках нашли осколки керамической посуды, металлические украшения, кости людей и животных. Самой драгоценной находкой стала золотая корона повелителя скифов.

Много веков прошло с тех пор, не стало кургана, раскопанного археологами. Корона повелителя отвезена на хранение в запасники Эрмитажа, а гору называли Шахан – в честь нового повелителя скифов.

*«Корона повелителя», найдена в кургане п. Тульский
Фото из фонда Эрмитажа*

*«Акинак – короткий скифский меч»
Расписывает скифский меч воспитанница подготовительной
группы «Островок» Карданова Самия.*

Река Белая.

Берег реки – прекрасное место для серьёзных разговоров. Чтобы не сказали вы, стоя у реки, вода всё унесёт. Сказанное вами в горах подхватит эхо и протяжным перезвоном разнесёт по всей округе. А в лесу любое слово упадёт в землю и прорастёт спустя годы.

«Каждое дело имеет начало!» – говорили горцы друг другу, пересказывая те события, о которых слух дошёл и до наших времён. А было это тогда, когда у истоков **Шъхъагуашэ** (*«хозяйка гор»*), жили три племени: бжедуги, темиргоевцы на правом берегу, абадзехи – на левом. Абадзехи были многочисленным мирным племенем, все свои насущные вопросы решали сообща. Темиргоевцы и бжедуги, напротив, сами принимать решения не могли, ими руководили их **пши** (*князья*), неудивительно, потому что между собой эти два племени не могли найти общего языка. И один лишь **Тха** (*бог у адыгов*) ведаёт, сколько крови их доблестных уорков (*воителей*) унесла в своё время Шъхъагуашэ.

Тому, кто не хочет изменить свою жизнь, помочь невозможно. Так, долго или нет, жили три племени, растили просо и разбивали в предгорьях уникальные сады. Горцы разводили лихих скакунов и тонкорунных баранов. Проводили время в домашних заботах, разбирались в бесконечных распрях, не подчинялись никому, только одному Тха.

Часто, для того чтобы купить скакунов приезжали иноземные князья в живописные места, где ледниковые и дождевые воды, с вершин Фишта и Оштена несёт река, прорезая скалы, создавая глубокие каньоны. Но однажды купец-иноземец, увидев девушек, несущих в кумганах (*кувшин для воды у адыгейских народов*) воду, обомлел. Семеро сестёр-красавиц одна за другой, изящно ступая двигались по берегу реки. В этот момент князь сосредоточено вглядывался в глаза каждой из них, пытаясь выбрать себе наложницу, но терялся. «Одна – застенчива, другая – робка и переменчива, третья – скромна и восхитительна, четвёртая... как лучше

присмотреться? Всё в них прекрасно...» – размышлял он. В конце концов решил забрать в наложницы всех красавиц.

Весть о том, что главный *пиш* одобрил сделку и продал всех красавиц иноземцу, быстро разлетелась в округе. Узнали о своём скором отъезде молодые девушки и их родители. Печаль и горе охватили юные сердца, а родители в одну секунду постарели. Долго девушки плакали, размышляя, что же можно сделать? Затем решили, утром, пока небо прячет отражение, броситься в реку, а там уже как изумруд ко дну их притянет омут. Только самая младшая из сестёр сидеть и плакать не могла. Она отправилась к самому истоку реки Шьхьагуацэ, стала просить о помощи *хозяйку рек Психьуэ Гуашэ*.

Психьуэ Гуашэ выслушала юную красавицу и сказала: «Завтра, в назначенный час отъезда не берите с собой ничего кроме кумганов. Спуститесь к гроту набрать речной воды в дорогу. А теперь иди к сёстрам!».

На утро весь народ собрался провожать сестёр, оплакивая красавиц перед дальней дорогой, зная, что видит их последний раз. Пришёл и *пиш*, продавший девушек. Довольные «купец» и «продавец» стояли рядом. «Мало говори, много делай» – думали они, подмигивая друг другу. Наконец вышли девушки в белых одеждах, неся на плечах кумганы, опустив взор, направились к горной тропе, ведущей к реке. Как только они спустились...

Налетел ураган. Небо и река смешались в штормовой горячке. Величиною с дробь, с картечь, с куриное яйцо, немерено, от края и до края всю землю посыпая, под ноги горцев ложился град. Забурлила вода в реке, словно кипящее молоко, поднялась и хлынула к ногам девичьих обидчиков белая пена. В приступах агонии хлестнула плетью молния, ослепила и сбросила их в реку. Затем как в жерновах закрутила, перетирая в песок. И где-то далеко, отражаясь в бледном свете, уже на равнине, волны тихо заплескали, словно прибывая к берегу чёрные, никому не нужные песчинки.

А к вечеру из тёмного грота, в котором Психъуэ Гуащэ прятала сестрёнок, вышли луноликие девушки, краше которых не видел свет.

Непостоянную, переменчивую реку, в благодарность спасения жизни юных красавиц, бурлящую и кипящую от гнева, горцы стали называть Белой. Она бывает, как женщина – мягкой и сдержанной, и как мужчина – порывистой и воинственной. Именно тогда, более ста лет назад добровольная продажа людей в рабство перестала быть обычным делом среди черкесов, которые рассматривали это как способ разбогатеть и пробиться в люди.

Жизнь и сама подобна бегущей воде. Глядя на реку, человек может понять многое. Только вот к реке нужно приходить с хорошими мыслями, чтобы не оказаться ненужной чёрной песчинкой в её круговерти.

*«Семь сестёр на берегу реки Шъхъагуащэ»
Творческая работа воспитанниц подготовительной
группы «Островок»
Вискушенко Вероники и Кардановой Самии.*

Дольмены Адыгей.

Многоопытный мудрец поймёт из речи мало, когда он слышал лишь конец, а пропустил начало... в начале того, о чём говорят люди есть доля правды, да вот только было это так давно, что помнят о тех событиях, разве что горы. Горы – это особый мир, они составляют часть планеты, как таинственное, изолированное царство, где символом жизни являются воля, доверие и любовь.

В одном из самых высоких горных селений, где горцы любят радугой у себя под ногами, там, где до звёзд можно рукой достать, где непривычно шумят реки и горные потоки, грохочут лавины, шумят камнепады, где ветер бьёт в лицо от вращения Земли, где просто варят кашу и играют свадьбы... одну такую свадьбу обсуждало всё горное «царство».

Свадьба **Нэрыгбей**, дочери великанши и нарта **Канжа** вызвала множество разных толкований среди свидетелей этого события. Канжа уважали за его чуткость, верность и трудолюбие, но понять не могли, почему он выбрал себе в жёны злую особу, чья дикая сила, не подчиняющаяся правилам нартского общества, может быть опасна и для него, и для всего горного селения. Против этого союза выступали не только односельчане, жившие рядом с Канжей, но и природа: захирели в реках рыбные места, чахнуть стали и озёра, и пруды. В горных ручьях исчезла кристально-чистая вода. Там, где ступала нога Нэрыгбей деревья словно гибли, стоя на посту, а примятой траве уже не в силах было подняться.

Горные жители говорили: «Человек не знающий, но умеющий слушать – не глуп, поймет и Канж, что недобрую жену привёл он в свой дом».

Вскоре после свадьбы настал срок родин. Нэрыгбей приказала мужу собрать сухие травы, листья, древесину и разжечь костёр у разломов земной коры. Как только послышался сравнимый с пальбой треск веток, Нэрыгбей родила, и тут же бросила младенца в пылающее кострище. Огонь обнял тело новорождённого. Никого, не допуская к костру горе-мать, стояла и надменно смотрела на пламя. Канж

застыл в оцепенении. «Что ты творишь, сумасшедшая?!» – кричали сбежавшиеся на плач младенца горцы.

– Этот для меня не может стать сыном, он испугался огня и начал плакать! – сказала Нэрыгбей и с чувством досады отправилась домой. Плач ребёнка пронзительным эхом ещё долго разносился в горах.

Однажды, убитый горем, Канж поведал своим сельчанам всё без утайки, почему взял в жёны Нэрыгбей. Что три ночи в канун полнолуния во сне к нему являлся старец Бадыноко, и призывал его жениться на дочери великанши. Сказал, что у них должен родиться мальчик, который станет защитником не только их горной местности, но сможет победить злых иныжей. А испов, скрывающихся в пещерах и гротах молодых гор, освободит от воздействия колдовских чар.

Услышав отчаянную исповедь Канжа, горцы приняли решение помочь ему. К следующим родам Нэрыгбей – готовился и стар, и млад. Чтобы не погиб второй новорожденный ребёнок, нужно было соорудить надёжное укрытие. Местом родин выбрали один из многочисленных разломов земли, и работа закипела.

Дольмены (*каменные столы*) – приманки для Нэрыгбей, заливали жидкой, пластичной массой флюидолита или грязевыми массами, выходящими из недр. Используя земляную засыпку, формировали опалубку (*Кавказские горы – геологически активный район в процессе образования, и через разломы могли выходить такие холодные флюидолиты*). По завершению изготовления фронтальной, задней и боковых плит (*стен*) весь дольмен оказывался погребённым курганом-опалубкой. Вершина кургана-опалубки выравнивалась, и на неё укладывали флюидогенную массу, формируя покровную плиту. После затвердения массы оставалось откопать портал. Через отверстие извлекали землю из дольмена. Горцы умышлено оставляли отверстия маленькими и строили дольмены фасадной стеной к солнцу. Это объяснялось тем, что спасённый младенец должен быть согрет лучами солнца и не ослепнуть в темноте.

«В неначатом деле змея сидит» – говорили горцы, и не дожидаясь срока родин, день за днём строили один дольмен за другим. Они не могли предвидеть какой из рождённых младенцев останется в живых и станет настоящим нартом-богатырём. Только теперь уже Канж умудрялся выхватить младенца у горе-матери. А испы, торопливо прятали младенца в дольменах и вскармливали его до тех пор, пока ребёнок мог пролезть в «фасадную дверь временного жилища». «Зла не знавший – добра не понимает» – говорили одинокие женщины. И потом уже они в любви и заботах воспитывали спасённых детей.

Того, что не услышат не пересказывают. Вот и мы не слышали сколько раз пришлось Канже спасать своих детей, стал ли хоть один из его сыновей желанным нартом-богатырём, и сколько дольменов пришлось выстроить горцам, не знаем.

Прошлого не знающий, настоящему цены не поймёт. Дольменная культура настолько загадочна, что разгадывать её придётся, возможно не одному будущему поколению. Исчезнувшая цивилизация неизвестного нам народа не оставила после себя никаких следов, кроме этих странных сооружений. Ясно одно: дольмены юга России нуждаются в срочной защите. Уникальные памятники грабят «чёрные копатели», они рушатся под воздействием строительной техники, наступающей на их исконную территорию. В Адыгее из полутора тысяч дольменов, обнаруженных археологами, нетронутыми остаются только два – в посёлке Гузеришль, который находится на территории Кавказского биосферного государственного заповедника, и на въезде в посёлок Каменноостский Майкопского района.

И кто знает, может именно сюда приходит по ночам тайное свечение и именно здесь слышатся колыбельные напевы тех самых одиноких женщин. И только здесь на незаметных строчках горных троп мелькают разноцветными колпачками всё те же испы.

*«Дольмен» – конструирование
с элементами техники папье-маше, выполнили воспитанники
подготовительной группы «Островок»:
Кузьмина Юлия, Карданова Самия, Вискушенко Вероника.*

Ущелье Мишоко.

С наидревнейших пор, играючи, без всякого труда, без видимых хлопот бежит по каменистому руслу, разрушая твердь пород, река Мишоко. Это правый приток реки Шхагуаше (*«хозяйка гор»*), который, по одной из легенд, благодарные горцы называли в честь спасения дочери князя и её жениха. Много лет пройдёт и Шхагуаше, благодаря другим событиям получит новое имя, дошедшее до наших времён. Теперь мы знаем – это наша красавица Белая. Прав будет тот, кто без преувеличения скажет, что лучшая река та, в которой купалось наше детство.

Детство и юность Абаго и Шхагуаше закончилось тогда, когда князь приказал зашить дочь и её возлюбленного Абаго в крепкий бурдюк и скинуть с кручи в воду. Но бурная река спасла влюблённых, как обломки льда выбросила их на плёс у Чёрного грота.

Как только Абаго почувствовал, что перестала дрожать водная гладь, приобнял Шхагуаше и разорвал бурдюк. «У портного нитки, у закройщика лоскут» – сказал он, выбравшись на волю. Перекинув через плечо разорванный бурдюк, Абаго пошёл к Чёрному гроту. Вслед за ним, крепко держа мужа за руку, шла Шхагуаше.

Неугомонный птичий гам, раздававшийся доселе, вдруг неожиданно стих. По ширине грота, в глубине, заплясали оранжево-красные огоньки. «Быть может это сотни глаз ужасных привидений!» – испуганно прошептала Шхагуаше. Подойдя ближе, они увидели низкий сводчатый потолок, сырой земляной пол, влажные стены, видны были следы небольших потёков, а оранжево-красные огоньки, будто ожерелье, повисшее под навесом, словно перемигивались, закрывая своим свечением что-то дорогое. Спустя мгновенье уставшие путники смогли рассмотреть, что огоньки — это круглые любопытные глаза дюжины бурых, почти чёрных медвежат. Молодые медвежата стояли плотно прижимаясь друг к другу, боясь оставить хоть малейшую лазейку тем, кто пришёл к ним незвано. А за их спинами вот-вот должен был

появиться на свет ещё один медвежонок. Так дюжина «косопалых» охраняли хозяйку грота – свою мать.

Вдруг, разнёсся звонкий рык новорожденного медвежонка, Шагуаше упала, потеряв сознание. Очнувшись, ещё долго не могла прийти в себя, а спустя несколько недель в этом же гроте у неё родился сын. Был он маленький, материнского молока даже слабому младенцу не хватало. Абаго разводил костёр для того, чтобы сын с женою и медведица с медведями могли согреться. Да вот только одного тепла было мало, нужно было прокормить всех.

Каждый день Абаго брал злополучный бурдюк и отправлялся к ущелью, ловил рыбу, собирал ягоды и фрукты. Затем мастерил глиняную посуду и обжигал её у костра. Трудиться неустанно его вдохновляла любовь к жене и сыну. Каково же было его удивление, когда очередной раз, вернувшись с добычей в грот, он увидел медведицу, кормящую и своего детёныша, и его сына. Вскормленный медведицей сын изгнанных влюбленных вскоре окреп.

Тем временем в лохматой шапке облаков приближалась зима. То и дело бросала она с небес снежную крупу, застилала землю белым покрывалом.

«Того, что в хорошую погоду не нашёл, в плохую не сыщешь» – размышляла Шагуаше и не переставала пополнять запасы для всей огромной семьи. Она наполняла глиняные кувшины плодами яблок и груши дички, сушила грибы, заготавливала сухой хворост для костра, ветками и сухой травой утепляла грот, готовясь к зиме. Так дружно люди и медведи перезимовали не одну зиму, но однажды...

Ранним утром семью Абаго разбудило знакомое рычание медведицы, которое с громом промчалось над ущельем. Так она рычала только тогда, когда её детёныши или она сама были в опасности. На сей раз медведица и трое её малышей попали в капканы, расставленные кем-то неподалёку от грота. Сын с отцом тут же бросились на помощь. Как только они высвободили медведицу, та, словно махина, встала отвесной стеной на задние лапы, всем огромный телом

закрывая собой своих освободителей. В ту же секунду в «медвежий щит» полетели стрелы и копья. Медведица-кормилица рухнула бездыханно на тропу.

Из зарослей неспешно стали появляться горе-охотники. «Это наша добыча! Прочь от добычи!» – кричали они, перебивая друг друга. Только один из них стоял молча. Его изумлённый вид и негодование сразу заметил Абаго, разглядев в нём отца Щагуаше. Князь и пастух узнали друг друга.

– Это мой внук!? – спросил он у Абаго, и, не дожидаясь ответа, продолжил, – он похож на меня и должен жить со мною рядом!

– Два бедняка, что сообща батрачат, сто богачей, враждующих богаче! Ты хотел лишить моих родителей не только своего богатства, но и жизни их и ещё не рождённого ребёнка! – ответил деду внук, затем, уже уходя, добавил, – Злом заполнил ты себя до края, а вот когда иссякнет сила, хирея в вольности своей, внизу останется твоя могила, вверху – сияние лучей! – юноша закончил свою речь, обнял отца и ушёл с ним.

Как бы ни бурлила жизнь вдали от гор: и раньше, и сейчас, и завтра они останутся сильнейшим магнитом для тысячи людей. А для «жителей» грота каждый камень вокруг него, каждое дерево хранят свою собственную историю. Историю взросления наследника Абаго, которого ласково родители называли **Мышьэ** (*медведь*). И о том, что при входе в ущелье, в небольшом гроте, бьёт родник «слёзы медвежьего сына». Своей вкусной, чистой и ледяной водой, напоминая всем о смысле жизни, о том, что каждый хочет жить на верхушке горы, но счастье и рост происходит тогда, когда ты забираешься на неё, а не тогда, когда уже достиг вершины.

С тех пор это ущелье в народе называют «Медвежьей тропой» (*перевод с древнего-черкесского языка*). Тропа, которая ещё сильнее скрепила два молодых горячих сердца, посылая им жизненные трудности, помогла приобрести неоценимый опыт взаимоотношений. Может поэтому именно

в этом месте влюблённые, взявшись за руки, дают клятву верности друг другу.

Удивительно ущелье Мишоко и тем, что здесь, среди редкого кустарника, в изобилии встречаются величественные старые деревья – это груши дички, предки которых росли в этих же местах пять тысяч лет назад. Возможно, именно из этого далёкого прошлого пришёл обычай сохранять и культивировать лучшие сорта фруктовых деревьев, который в дальнейшем трансформировался в уникальную селекционную культуру черкесских лесосадов.

«Медведица-кормилица» – аппликацию выполнила воспитанница подготовительной группы «Островок» Карданова Самия.

Скала Верблюдов.

Чтобы узнать человека, нужно надеть его обувь и пройти его путь. Время, о котором повествует наша легенда, было беспокойным на всём Северо-Западном Кавказе. Различные индоевропейские племена, словно шаровые молнии, спрессованные в огненный клубок, наполненные небесным жаром, стремительно двигались на Северный Кавказ, неся с собой несчастье и беду...

Побитые ветром и дождём, собрав свою скудную брошень (*брошень* – синоним слова «скраб»), толпы отчаянных людей ринулись на неприступные скальные мысы, безрассудно и стремительно заселяя плато над горными ущельями. Зарубками поспешно обстукивали своё причастие к выбранной территории. Страх погибнуть от вражеских клинков делал людей трусливыми, чёрствыми, жестокими и безумно скупыми.

В жизни ничего наверстать невозможно – эту истину каждый должен усвоить как можно раньше, поэтому, перед предстоящим переселением старый и мудрый **Унакоз** и его жена **Шушух**, слышавшая в округе прозорливой, доброй и любящей матерью, собрали своих сыновей: первенца **Уруштена**, близнецов **Тыбги**, **Джемарука** и единственную красавицу дочь **Шидехет**. Отец произнёс: «Дети мои, будьте точно уверены в том, что хотите получить от жизни и вдвойне уверены в том, что сможете дать взамен».

Дети, зная, что мать сможет предсказать их дальнейшую судьбу, с тревогой, смотрели на стоящую с поникшей головой Шушух. «Посмотрите, что творится вокруг! Человек, забывший доброту, не себя ли этим погубил?» – сказала мать, обращая внимание детей на то, как люди затаптывали друг друга и сбрасывали в пропасть ради своего благополучия.

– Уруштен, песчинка собственного опыта стоит дороже дюжины мешков чужих наставлений, помни об этом, первенец мой! – сказала Шушух, и тут же повернулась к близнецам Тыбги и Джемаруку.

– Тыбги, большинство видят лужу, а единицы отражение Луны в ней.

– Джемарук, в один прекрасный день ты обнаружишь, что у тебя осталась только одна проблема: ты сам! – огласив свое видение сыновьям, Шушух призвала к себе юную красавицу Шидехет.

– Доченька моя, помни, время делает любовь слабее, а дружбу сильнее! – закончив с предсказаниями, Шушух обняла детей, словно прощаясь с ними. Вскоре по горным расщелинам раздался гортанный стон, сопровождая громовые выстрелы, за ними наступило оцепенение, а брызги искр над головой Шушух, оставили её за невидимой чертой.

Беда подкралась очень близко, недобрым покоем заполнилось всё вокруг. Как только последний луч, оставляя яркий отпечаток на небе, уже почти без сил нежно ворошил макушки леса, разбрасывая по ним робкие блики, воины индоевропейских племён приблизились к новым горным поселениям. Привыкшие побеждать в степных сражениях, они, как саранча мясистым языком, цеплялись за скальный карниз, бездушно уничтожали всех, способных оказывать им сопротивление.

Поздний вечер зазвенел дымчатым хрусталём, лунный свет едва позолотил излучины рек, как каменная махина, встав отвесной стеной перед завоевателями, появился Уруштен. Безумной силой, поражая взор окружающих, он зажал недругов в могучий кулак. «Добру расти, худу по норам ползти!» – с этими словами он сбросил нападающих в гроты.

Затем Луна в своей жемчужной колеснице вступила в свои права. В это время с северной стороны ущелья по ветвям колхидского плюща, плотно приросшего корнями-присосками, взбирались незванные воины. Близнецы держали оборону поддерживая друг друга. Взглянув вниз, Тыбги увидел отражение Луны, а в ней множество карабкающихся иноземцев. Вынув топоры, Тыбги и Джемарук с яростью рубили ветви плюща и вместе с ползущими воинами сбрасывали их в ущелье, те же, падая вниз, превращались в

безобразные формы остроконечных камней. Это была ночь, когда волки молчали, а выла только Луна. «Человеку предстоит пройти гораздо более долгий путь внутри себя», – отважно сражаясь, философски рассуждал Джемарук, – «чтобы озарять светом других, нужно носить солнце в себе».

Когда лунный свет стал мягким, с юга потянулись враги. С луком в руках вышла на защиту жителей новых поселений юная дочь Унакоза. Шидехет ещё робка, но горделива. Её обаяние и доброта, смелость и расчётливость гармонично сочетались в её характере, похожем на мальчиший.

Шидехет натянула тетиву и уже готова была поразить в самое сердце прекрасного воина, целившегося в неё, как вдруг оцепенела, встретив его взгляд.словно пронизанные одной стрелой Амура, оба сердца забились в унисон, разгораясь ярким костром любви. Стоявшие напротив друг друга с натянутыми тетивами своих луков, соперники зардели от смущения, как ягоды рябины. «Я не из тех, кто стремится к Луне, пока у меня есть звезда, будь ею!» – произнёс иноземец. Вспомнив предсказания матери, Шидехет ответила: «Однажды ты можешь проснуться и понять, что потерял Луну, считая звёзды, а они гаснут без лунного света». Сильнее натянула тетиву и выпустила стрелу. Поверженный влюбленный воин рухнул в ущелье, вслед за ним, словно лепесток жасмина, паря над пропастью, последовала Шидехет.

Несколько сотен лет прошло с тех пор. В мифах и легендах остались события, происходившие когда-то, а нам и нашим потомкам о них напоминают скалистые отроги хребта Унакоз – Уруштен, Тыбги, Джемарук, Шидехет. Скалистые отроги расступаются, пропуская через узкие каменистые врата небольшую речку Шушух – правый приток реки Дах, берущий своё начало у Свято-Михайло-Афонского монастыря. Своим переливистым журчанием, омывающим подножья отрогов хребта, она, словно любящая мать, окропляет своих детей водой как священной молитвой.

О добре, милосердии, сердечности, душевности, человечности, ласке, любви и гуманности напоминает нам северный отрог горы Шидехет – скала Верблюд, сохранившая в своих каменных горбах всё то хорошее, что с невероятной отвагой защищали дети Унакоза и Шушух. Это гордое и красивое животное, пришедшее с иноземцами завоевать просторы Северного Кавказа, будто бы заблудилось в южных лесах Адыгеи, и теперь вход в безмолвный мир этого ущелья ещё очень долго будет охранять она – одинокая скала Верблюд. Её причудливые формы будоражат фантазию туристов, а цветущие ветви дикого жасмина, как свадебный наряд, на счастье примеряют побывавшие в этих местах будущие невесты.

*«Скала Верблюд» – конструирование из природного материала
выполнили воспитанники
подготовительной группы «Островок»:
Кузьмина Юлия, Вискушенко Вероника, Карданова Самия.*

Девичий камень.

Легенды о Девичьем камне, вздымающемся окаменевшей слезой над клокочущей рекой Белой (Шъхъагуащэ – «хозяйка гор») в Майкопском районе, хранятся не в пыльных свитках, а в шёпоте ветра, в песне волн, словно древние письма, начертанные самой рукой вечности.

Предание одной из них, гласит:

...в те времена, когда нарты жили в симфонии с духами гор и шелестом лесов, у прославленного вождя росла дочь, её красота затмевала даже серебристую поступь луны. Любящий отец назвал её Адиюх. Сердце девушки, как и она сама, было кристально чистым, словно горный хрусталь, хранящий свет утренней зари.

Бесчисленные сваты являлись к отцу Адиюх, осыпая его дарами, но сердце девы, как многочисленные вершины Кавказских гор, оставалось неприступным. Она ждала огромной любви – не мимолетной искры, а пламени, подобного тому, что воспевали древние сказители, любви, способной расколоть скалы и обратить реки вспять, любви, что крепче смерти и выше, тех самых гор.

И вот однажды, подобно чёрной туче, на горизонте появился чужеземный воин, его глаза горели алчным огнём, а сердце было бесчеловечно стальным. Он заковал сердце Адиюх в цепи этой дьявольской силы, как хищный зверь, смотрел на жертву. Воин потребовал её руки, пугая войной. Словно разгневанный бог, низвергающий молнии, грозил разорением, обещал сжечь землю дотла. Отец Адиюх, сломленный страхом за свой народ, согласился отдать дочь в руки чудовища.

В день, когда небеса плакали серыми слезами, Адиюх, словно лань, загнанная в угол, взобралась на камень. С этого скорбного пьедестала девушка обратилась с мольбой к духам предков, чьи тени танцевали в облаках, и к реке Шъхъагуащэ, чей голос был наполнен мудростью веков: «О, предки мои, о, Шъхъагуащэ, свидетельница боли моей! Заберите меня, чтобы не стала я женой чужеземца и причиной гибели моего народа!»

В тот же миг земля содрогнулась, и камень в безумном танце ринулся в бездну, увлекая за собой и Адиух. Девушка, как белая птица, устремилась в бурлящие объятия реки.

С тех пор этот камень стал немым свидетелем трагедии и зовется Девичьим. Говорят, в те ночи, когда луна купается в водах Шъхьагуацэ (реки Белой), можно услышать тихий, надрывный плач Адиух. Он словно эхо вечной тоски, оплакивающей несбывшуюся мечту любви и свою жизнь. А река Белая как верная мать, отступила от подножия камня и, протекая рядом, поёт вечную колыбельную, сотканную из напоминания о подвиге храброй адыгской девы, сохранившей своё чистое отражение, которое «крепче гранита и выше звёзд», чей дух навеки поселился в сердце Кавказа.

По сей день путник, замороженный величием гор, подходя к Девичьему камню, чувствует незримое присутствие Адиух. Камень этот, подобно сфинксу, хранит безмолвную тайну, лишь изредка позволяя ветру вырвать из своей каменной груди обрывки древних легенд.

Старики говорят, что, если приложить ухо к камню, можно услышать биение сердца Адиух, эхо той жертвы, что спасла свой народ от гибели.

Девичий камень стал символом несгибаемой воли адыгского народа, его вечной жажды свободы и независимости. Девичий камень – напоминание о том, что даже в самые тёмные времена, когда кажется, что надежды не осталось, всегда найдётся тот, кто готов пожертвовать собой ради спасения других. История Адиух – это не просто красивая легенда, это урок мужества, самоотверженности и преданности, который передаётся из поколения в поколение, словно драгоценное сокровище.

*«Девичий камень» – лепка,
выполнили воспитанники подготовительной группы «Островок»:
Вискушенко Вероника, Карданова Самия.*

Легенда о вечной молодости.

В высоких горах Адыгеи, где за острые пики Фишт-Оштенковского горного массива цепляются облака, а реки поют древние песни, стояло селение нартвов, над которым возвышалось **Древо Жизни**, дарованное богами первым нартвам. Его листья сияли серебром, а плоды – золотые яблоки – хранили секрет вечной молодости.

Каждое яблоко Древа Жизни могло вернуть силу уставшему воину, разгладить морщины на лице старца, заживить самые страшные раны. Но дар был не для всех. Яблоко действовало лишь на чистого сердцем. Тот, в ком жила алчность или злоба, получал не молодость, а горькое разочарование – плод превращался в камень у него в руках.

Нарты берегли Древо, зная, что его сила – в единстве племени и чистоте помыслов. Старейшины раздавали яблоки

лишь тем, кто доказал верность народу и проявил сострадание к слабым.

Среди нартов вырос юноша по имени **Екутеч** (*в переводе – разрушающий всё вокруг*). Сильный и ловкий, он мечтал о бессмертии, но не ради служения народу, а ради славы и власти. Екутеч тайно следил за старейшинами, пытаясь узнать, как сорвать яблоко без их благословения.

Однажды ночью он пробрался к Древу. Ветви зашелестели, зашептали, предупреждая его, но Екутеч не слушал. Он сорвал плод, и тот засиял в его руках. Юноша откусил кусочек – и на миг ощутил прилив сил. Но радость сменилась ужасом: кожа начала трескаться, волосы выпадать, а в груди разгорелся огонь. Яблоко, дарованное алчности, стало ядом.

Екутеч закричал, прося помощи, но было, слишком поздно. У подножия Древа они нашли лишь скрученный камень, напоминающий силуэт юноши – вечный памятник его греху.

Старейшины собрали племя и сказали:

«Вечная молодость – не в плодах, а в чистоте сердца. Тот, кто ищет бессмертия для себя, обретёт лишь камень. Тот, кто служит народу, оставит след в веках».

С тех пор нарты ещё строже соблюдали законы чести. Древо Жизни продолжало цвести, но его дары получали лишь те, чьи помыслы были светлы. А каменная причудливая фигура Екутеча стояла у тропы, напоминая: *алчность превращает бессмертие в проклятие*.

И поныне, если прислушаться к ветру в горах Адыгеи, можно услышать шёпот Древа: *«Молодость – в доброте. Власть – в справедливости. А вечность – в памяти народа»*.

*«Древо Жизни» – аппликацию, выполнили воспитанники
средней группы «Звёздочки»:
Гетманчук Амелия, Ткачёв Николай, Воробей Евгения, Ганович Демид.*

*Куратор: воспитатель высшей квалификационной категории
МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 22»
Долгих Ольга Александровна*

Легенда о Майкопских курганах. Слёзы Шауге.

Когда-то давно, когда земля нартвов была юной и плодородной, а горы Кавказа лишь начинали поднимать свои снежные вершины к небу, жили на этой земле могучие нартские богатыри. Славились они своей силой, доблестью и справедливостью. Сердцем этой земли и душой была прекрасная небесная птица Шауге, её оперение сверкало всеми цветами радуги, а пение наполняло мир гармонией и процветанием.

Шауге любила нартский народ и часто парила над селениями, осыпая их своими перьями, принося удачу и достаток. Но однажды мрачные тени заползли на землю нартвов. С гор спустилось племя жестоких великанов, одержимых жадной наживы и разрушения. Они грабили поселения, убивали невинных и оскверняли священные места.

Нартские богатыри храбро сражались, защищая свой народ, но силы были неравны. Шауге не могла оставаться безучастной к этой беде. Она взмыла в небо, а затем спустилась на землю прекрасной девушкой. Смело вступила красавица в бой с великанами, укрепляя силу нартских воинов и вдохновляя их на победу.

Битва была жестокой и долгой. Многие нартские богатыри пали, сражаясь до последнего вздоха. Но благодаря мужеству Шауге и отваге сражавшихся, великаны были повержены и бежали обратно в горы. Победа досталась дорогой ценой.

Шауге была тяжело ранена. Она почувствовала, что её земное время истекло и что ей пора вернуться в небо. Сердце её разрывалось от горя, а из глаз её полились слёзы, горькие и обильные, как никогда прежде. Падая на землю, каждая слеза Шауге превращалась в огромный курган.

Время шло, легенда о Майкопских курганах, словно драгоценная реликвия, передавалась из уст в уста. Курганы, как стражи вечности, хранят в своих недрах не только останки предков, но и отголоски их подвигов. Весной, когда на их

склонах алым пламенем расцветают дикие тюльпаны, кажется, будто кровь нартских богатырей вновь пробивается сквозь землю, напоминая о цене свободы. А в летние ночи, когда звёзды рассыпаются в небе бриллиантами, старцы рассказывают молодежи о Шауге.

Говорили, что Шауге никогда не покидала землю нартов. Её дух витал над курганами, словно легкий туман, оберегая их покой. И каждый, кто приходил к курганам с чистым сердцем и верой в справедливость, мог почувствовать её благословение. Старые женщины, собирая лекарственные травы у подножия курганов, шептали: «Шауге, небесная наша заступница, твои слёзы – наш источник силы и вдохновения. Помоги нам быть такими же храбрыми и преданными, как наши предки».

Иногда, когда над землёй нартов гремит гроза, кажется, будто Шауге гневается, вспоминая о жестокости великанов. Молнии пронзают небо, как мечи, а дождь, словно её слезы, омывает землю от скверны.

И всегда после каждой бури над курганами появляется радуга, напоминание о том, что даже после самых тёмных времён приходит свет и надежда. И люди верят, что это Шауге успокаивает землю, утешая её после пережитых страданий.

*«Майкопские курганы. Слёзы Шауге» – рисунок,
выполнила воспитанница подготовительной группы «Островок»
Карданова Самия.*

Легенда о Яворовой поляне и Духе белого тумана.

Никто не помнит, когда это было, только земля тогда была покрыта густыми дремучими лесами, горные реки звенели песнями, а в самом сердце гор, там, где солнце лишь робко касалось земли, появилась небольшая поляна. Поляна эта была особенной: на ней, словно серебряный щит, возвышалось огромное яворовое дерево. И поляну эту за красоту и мощь явора прозвали Яворовой.

Говорили, что явор тот вырос не из простой косточки... Когда-то, много веков назад, влюблённый джигит по имени Аслан потерял в битве свою возлюбленную – прекрасную Сатаней. Его горе было так велико, что каждый день он приходил на эту поляну и оплакивал её. Слёзы его падали на землю, а из них, как цветок из семени, поднялось могучее яворовое дерево. В его листьях шелестели отголоски смеха Сатаней, а ствол хранил печаль Аслана.

Много лет прошло, о Яворовой поляне помнили лишь старики, да и те говорили о ней шёпотом. И вот однажды, когда солнце стояло в зените, на поляну забрёл молодой пастух Хасан. Он был полон юношеского задора, но сердце его терзала тайна. Хасан потерял дар речи, и никто не мог понять, что он хочет сказать.

Уставший, он прислонился к явору и закрыл глаза. И вдруг он услышал тихий шёпот. Голос этот, словно перезвон горных ручьёв, лился откуда-то изнутри. Голос из дерева рассказывал ему о печали Аслана, о любви Сатаней, и о том, что каждый, кто придёт на поляну с чистым сердцем, будет услышан явором.

Хасан, поражённый услышанным, заплакал. Слёзы его искренне говорили о его боли, о его желании вновь обрести голос... В этот момент, поляну окутал густой, белый туман. Туман был не обычный – он словно соткан из света, и в его глубине мелькали лица давно ушедших людей.

Когда туман рассеялся, Хасан почувствовал тепло в горле. Он откашлялся и произнёс своё первое за много лет слово: «Явор...»

С тех пор считается, что Яворова поляна – место священное. Здесь, в объятиях могучего явора, живет Дух белого тумана, воплощение печали и надежды. Он слышит каждого, кто приходит на поляну с открытым сердцем. Говорят, что он может исцелить болезнь, вернуть утраченное, и даже дарует надежду тем, кто её потерял.

Все знали, что Дух белого тумана справедлив. Если в сердце человека таится злоба, зависть или корысть, то туман этот обернётся ледяным ветром, который прогонит его с поляны и оставит с душевной болью.

Яворова поляна оставалась нетронутой временем, словно застывший миг в бесконечности гор. Молва о чудесном месте распространялась по окрестным аулам, как горное эхо, множась и обрастая новыми сказаниями. Люди приходили сюда, ведомые надеждой на исцеление или просто желанием прикоснуться к живой легенде.

Старые люди говорили, что, если прийти на поляну в полнолуние, когда лунный свет, точно серебряная река, льётся сквозь листву явора, можно увидеть танцующие тени предков. Они кружатся в хороводе, словно листья, подхваченные осенним ветром, напоминая о вечной связи поколений, о том, что прошлое всегда живо в настоящем.

*«Явор» – аппликацию, выполнили
воспитанники подготовительной группы «Островок»:
Вискушенко Вероника, Карданова Самия.*

Нарт Хэку и старуха Цэунэж.

Среди высоких гор и могучих водопадов, где-то в горных вершинах жила старуха Цэунэж. Она не просто насылала проклятия на жителей близлежащих селений, как другие колдуньи, её голод был неутолим: она желала подчинить себе саму владычицу – Плодородную землю, чтобы никто не мог вкусить её дары.

Цэунэж обладала самым гнусным даром колдовства. Она знала язык камней, ветра, владела чарами тьмы.

Однажды под покровом самой тёмной ночи, когда луна скрылась за облаками, она выкрала у солнца его жар, заключив его в огромный волшебный камень. Без солнца земля начала чахнуть. Золотые нивы превратились в серые поля, реки обмелели, а люди стали слабеть от голода и холода.

Но не все склонились перед тьмой. Среди нартов жил смелый и мудрый юноша – Аскербий. Он видел страдания своего народа и не мог остаться в стороне. Он отправился на поиски старухи Цэунэж, чтобы вернуть солнце в долины нартов.

Путь его был полон испытаний. Он сражался с иныжами и испами, порождёнными тьмой, переходил через непроходимые болота, избегая коварных проделок старой ведьмы. Наконец он добрался до её мрачной пещеры, где в самом центре сиял волшебный камень, поглотивший солнечный жар.

Старуха встретила Аскербию с презрением:

– Ты жалкий смертный, хочешь отнять у меня силу? Ты думаешь, что сильнее меня?

Аскербий не испугался её угроз. Он знал, что сила ведьмы заключается в её умении обманывать и держать в страхе других. Он ответил с твёрдостью в голосе:

– Я пришёл не за твоей силой. Я пришёл за солнцем, которое ты украла у моего народа!

Цэунэж рассмеялась, и её отвратительный смех эхом разнёсся по пещере:

– Солнце теперь моё! И никто у меня его не отнимет! Если ты выполнишь моё задание, я отпущу солнце. Но если ты потерпишь неудачу, то навсегда останешься в моей власти.

Она поставила перед Аскербием задачу – принести ей огонь из самого центра земли. Аскербий догадывался, что значит погрузиться в самое сердце преисподней, но согласился.

Семь дней и семь ночей спускался Аскербий в глубины земли. Он сражался с демонами и огненными змеями, проходил сквозь реки лавы и знойные пустоши. Наконец он достиг самого центра земли, где горел вечный огонь. Обожжённый и израненный, он схватил частицу огня и пустился в обратный путь.

Вернувшись к пещере, где жила старуха, Аскербий протянул ей частицу пламени. Ведьма была поражена. Она

никак не ожидала, что смертный сможет выполнить её задание. Но гордость не позволяла ей признать поражение.

– Теперь я поверила в твою силу, – сказала она. – Но, чтобы вернуть солнце, ты должен победить меня в честном бою!

Аскербий знал, что в честном бою ему не справиться с колдовством Цэунэж. Тогда он схитрил, вызвал ведьму на состязание в мудрости.

– Я задам тебе одну загадку, – сказал он. – Если ты сможешь её отгадать, я отдам тебе огонь и покину это место навсегда. Если же нет, ты вернёшь солнце моему народу. Старуха самодовольно согласилась. Аскербий спросил:

– Что дороже золота, ценнее мудрости и сильнее смерти?

Ведьма долго ломала голову. Она перечисляла самые ценные вещи в мире, но ни один ответ не был верным. Наконец в отчаянии она признала своё поражение.

Аскербий прикоснулся частицей огня к волшебному камню Цэунэж, тот разлетелся вдребезги, и солнечный жар вырвался на свободу. Старуха завопила от ярости и бессилия.

Лучи солнца вновь озарили земли нартов. Поля зазеленели, реки наполнились водой, а люди воспряли духом. Но старуха Цэунэж не собирались сдаваться. Она превратилась в огромное злобное облако и попыталась закрыть солнце.

Тогда Аскербий, собрав всю свою силу и мужество, бросил в ведьму горсть волшебных семян, взятых им во время путешествия в подземный мир. Семена, коснувшись облака, превратились в колючие стебли, обвинившие ведьму. Цэунэж закричала от боли, и её облако рассыпалось на мелкие горошины, усыпавшие землю нартов.

С тех пор в долинах нартов растёт дикий горох – напоминание о победе Аскербия над злой старухой Цэунэж и о возвращённом свете солнца. Аскербия стали называть Нарт Хэку – «Солнце Нартов», и он остался в легендах как защитник и даритель света. А дикий горох – это символ победы над тьмой и напоминание о том, что даже самая злая ведьма не устоит перед мудростью, смелостью и любовью к своему народу.

Слава о Нарте Хэку разнеслась по всей земле, подобно горному эху. Его имя давали матери своим детям, его подвиги под звон струн воспевали ашуги. Но для Хэку эта слава была лишь отголоском той тьмы, с которой он столкнулся. Он знал, что зло, подобно сорняку, всегда попытается прорасти снова.

Поэтому предками было решено, что каждую осень, после сбора урожая, горох будет сжигаться на священных кострах, дабы очистить землю от скверны Цэунэж.

И так год за годом, где пылали огромные костры, пожирающие горох, над пеплом, усеянным искрами, нарты пели песни о мужестве Нарта Хэку, о силе единства и о вечной победе света над тьмой, даря надежду новым поколениям. Ведь только в борьбе рождается истинное величие и только вместе можно противостоять самой лютой тьме.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Предисловие.	3
1.	Сердце Руфабго.	5
2.	Лаго-Наки.	7
3.	Чугуш, Фишт, Оштен, Пшеха-Су.	11
4.	Легенда о золотой короне повелителя.	14
5.	Река Белая.	18
6.	Дольмены Адыгеи.	21
7.	Ущелье Мишоко.	25
8.	Скала Верблюды.	29
9.	Девичий камень.	33
10.	Легенда о вечной молодости.	35
11.	Легенда о Майкопских курганах. Слезы Шауге.	38
12.	Легенда о Яворовой поляне и Духе белого тумана.	40
13.	Нарт Хэку и старуха Цэунэж	42

*Почетный работник общего образования Российской Федерации,
Заслуженный работник народного образования Республики Адыгея,
педагог-наставник, воспитатель
МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 22»
Кисель Екатерина Иосифовна.*

Путь к нравственности лежит через освоение культуры своего народа, а красота родной земли, красота человеческого поступка остаются в сердце с детства – навсегда.